

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
Выпуск 5

Москва
2004

Содержание

ТЕОРИЯ МОРАЛИ

Л. В. Максимов

О субъективистских течениях в современной философии морали	3
--	---

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА

Публичное пространство и реальная политика. Беседа Сергея Земляного с академиком РАН Абдусаламом Гусейновым	16
<i>С. Н. Земляной</i> Этика Бертольта Брехта.....	37
<i>А. В. Прокофьев</i> Подвижная ткань межчеловеческих связей (дисциплинарный и перфекционистский элементы морали через призму политической философии Х.Арендт)	53
Рецензия на книгу Б.Г.Капустина «Моральный выбор в политике» и хрестоматию «Мораль в политике» (сост. и отв. ред. Б.Г.Капустин).....	74

ИЗВИНЕНИЕ И ПРОЩЕНИЕ

Предисловие к публикации	82
<i>Т. Гуяве</i> Прощение и непрощительное	86
Рецензия на книгу Ренате Ратмайр «Прагматика изменения»	109

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В.И. Лазаренко

Онтологическая основа благополучия совершенного государства Платона	120
---	-----

П.А. Гаджикурбанова

Специфика стоической трактовки добродетели (понятие «надлежащего по обстоятельствам»).....	128
--	-----

О.В. Кирьязов

Предтеча цивилизационного синтеза.....	143
--	-----

С.Н. Земляной

Феноменология и этика	172
-----------------------------	-----

Об авторах.....	200
-----------------	-----

Этика Бертольта Брехта

Предлагаемая вниманию российского читателя проза Бертольта Брехта впервые публикуется на русском языке. Прежде чем аттестовать ее по содержанию, уместно сделать несколько предварительных замечаний по форме. Она имеет «китаизированное» название «Ме-ти. Книга перемен». «Ме-ти» — это искаженное имя собственное, принадлежавшее древнекитайскому философу и политическому деятелю Мо-цзы (Мо Ди; 479—400 до н.э.). «Книга перемен» (И цзин) — название классического трактата об изменениях (VIII—VII вв. до н.э.), которое использовалось впоследствии многими древнекитайскими мыслителями для собственных произведений¹. Текст Брехта представляет собой разделенный на пять книг сборник притч и афоризмов, в которых используются китайские имена, реалии и сюжеты; но обращены они были к самой острой современности 30-х гг. XX века. Первая из книг посвящена философии, вторая — проблемам нравственности, третья — критике капиталистического общества, четвертая — теории революции, пятая — Советскому Союзу, Сталину и сталинизму. Хотя эта прозаическая работа Брехта не была им дефинитивно завершена и публиковалась после его смерти, есть веские основания полагать, что именно в ней с наибольшей полнотой и открытостью представлен левый человеческий проект писателя.

1.

Как уже отмечалось, «Ме-ти. Книга перемен» была в основном написана Брехтом в 30-е гг., во время его эмигрантских скитаний по Европе, хотя он возвращался к ней до своих последних дней. Она за

нимает вполне определенное место в прозаической продукции писателя этого периода в том понимании современной прозы, к какому Брехт пришел в первых выпусках сборников своих текстов «Versuche» («Опыты»; подражание «Опытам» Фрэнсиса Бэкона). В стартовом сборнике «Опытов» Брехт опубликовал первый образец своей авангардной прозы — «Истории о господине Койнере»; образец, которому он следовал и в «Книге перемен». Вообще, прозаические тексты Брехта 30-х гг. — это ветви от одного ствола. Внешним образом об этом свидетельствуют значимые детали: в «Ме-ти» среди действующих (говорящих) лиц имеется и господин Койнер. А в оставшемся наброском романе Брехта о Туи (интеллектуалах) присутствует и фигура Ни-энь-ле, которая стоит в центре «Книги перемен»; правда, там он зовется Ми-энь-ле (Ленин).

Указанный выпуск «Опытов» автор предварил эстетическим Credo, предельно кратким, но максимально содержательным, загадочным и провокативным. «Публикация «Опытов», — заявлял Брехт, — происходит в тот момент, когда известные работы должны быть уже не столько индивидуальными переживаниями (иметь характер «произведения») (Werkcharakter), сколько нацеливаться скорее на использование (преобразование) определенных институтов и учреждений (иметь характер эксперимента)». И далее: «Второй опыт — «Истории о господине Койнере» — представляет собой попытку сделать жесты цитируемыми»². Стоит прокомментировать эту эстетическую криптограмму Брехта, к тому же взятую на вооружение и другими современными ему художниками.

Прежде всего, что значит «не иметь характер произведения»? Ясно, что под этим подразумевается разрыв с традиционным пониманием произведения искусства, но что конкретно имеется в виду? Один из возможных (хотя и не авторизованных Брехтом) ответов на эти вопросы дал друг и комментатор Брехта Вальтер Бенъямин в своем признанном классическом эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости»: «Обстоятельства, в которые может быть помещена техническая репродукция произведения искусства, даже если и не затрагивают во всем остальном качество произведения — в любом случае они обесценивают его *здесь и сейчас*. Хотя это касается не только произведения искусства, но и, например, пейзажа, проплывающего в кино перед глазами зрителя, однако в предмете искусства этот процесс поражает его наиболее чувствительную сердцевину, ничего похожего по уязвимости у природных предметов нет. Это его *подлинность*. Подлинность какой-либо вещи — это совокупность всего, что она способна нести в себе с момента возникновения, от своего

материального возраста до исторической ценности. Поскольку первое составляет основу второго, то в репродукции, где материальный возраст становится неуловимым, поколебленной оказывается и *историческая ценность*. И хотя затронута только она, поколебленным оказывается и авторитет вещи. То, что при этом исчезает, может быть суммировано с помощью понятия *ауры*: *в эпоху технической воспроизводимости произведение искусства лишается своей ауры*³ (курсив мой — С.З.). Таким образом, согласно Брехту-Беньямину, не иметь характера произведения — это значит для вещи искусства не иметь *hic et nunc*, исторической ценности, подлинности и в конечном счете не иметь ауры. И Брехт в своей прозе стремился элиминировать все эти качества.

Именно с этим стремлением связаны такие «странности» творческой манеры Брехта, как его так называемые «плагиаты», по поводу которых ему не раз приходилось объясняться с возмущенными критиками. Плагиат — это ликвидация подлинности. В заметке «О плагиатах» автор даже во всеулышание объявил о своем намерении заняться «давно запланированным чествованием литературного плагиата и его восстановлением в старых исконных правах», правда, сославшись на то, что «и в этой маленькой области еще не наступило время, когда я (Брехт) мог бы быть назван наряду с Шекспиром, Гёте и другими»⁴. Помимо явного эпатажа в этой апологии плагиата содержались и определенная концепция искусства, известная художественная воля. Они выражались также в брехтовских переделках (обработках) пьес других авторов, в использовании чужих сюжетов, в написании собственного текста как бы поверх чужого, как в старинном палимпсесте: этот последний прием Брехт использовал в «Ме-ти». В соответствии со своей концепцией искусства, первым наброском которой стала теория эпического (неаристотелевского) театра, распознание компетентным читателем в предложенном ему тексте плагиата, переделки или контаминации, при условии знания им исходного текста, оригинала, создавало ту *критическую дистанцию* в чтении, которая и была залогом новой прозы. Читатель должен был не «вживаться» в литературное произведение, а компетентно разбираться с текстом.

Иными словами, плагиат, переделка чужого, контаминация своего с не своим в авторской вещи искусства — суть разновидности того «очуждения» (*Verfremdung*), которое стало фирменным знаком творчества Брехта. И, как можно убедиться, не только в брехтовском театре, но и в его прозе. Излагать в «Ме-ти» марксистскую диалектику, историю любви к Рут Берлау, ленинскую теорию революции или про-

цессы 30-х гг. в СССР так, как это сделал бы древнекитайский философ Мо-цзы — значит излагать их с критической дистанции, издалека, со стороны — *очужденно*. (Термин «очуждение» не имеет никакого отношения к Марксову понятию «отчуждения» и генетически восходит к учению об «остраннении» Виктора Шкловского, с каковым учением Брехт познакомился через посредство Сергея Третьякова). «Китайщина» в брехтовской «Книге перемен» — это не имитация, а очуждение. Такое же очуждение, каким пользовался Брехт в своем помянутом романе о Туи (интеллектуалах), действие которого также происходит в древнем Китае.

Согласно теории русского формализма, литературная эволюция происходит путем канонизации младших или даже внелитературных жанров. Проза Брехта является живым подтверждением этого наблюдения: «Истории о господине Койнере» возводят в ранг литературы анекдот, «Ме-ти» — притчу и афоризм. Крупнейший специалист по Брехту Вернер Миттенцвай в двухтомной «Жизни Бертольта Брехта» отмечает, что господин Койнер с 1926 года был постоянным спутником писателя, а стало быть, эта фигура связана с какими-то жизненными обстоятельствами последнего. И Миттенцвай поясняет, что в «Историях» отражена *разговорная манера* Брехта. «Все сообщения и анекдоты о Брехте как собеседнике сводятся к тому, что он выступал не как блистательный мастер развлекательного разговора; он скорее отличался тем, что внезапным поворотом разговора переводил его в другое русло. От златоустов и спорщиков он разнился своей эпиграмматической разговорной культурой. В «Историях о господине Койнере» обобщена и превращена в литературную форму определенная разговорная установка — установка того, кто мыслит. Сведение всего в разговоре в один пункт объясняется желанием сделать познания цитируемыми. В «Историях о господине Койнере» поведение человека не описывается, а постигается в его поучительном повороте. А поворот, в свою очередь, должен выражаться в жесте, то есть схватывать некий мыслительный процесс как непосредственно жизненный процесс, который проявляется в движении тела. Кульминацией «Истории» является не мыслительный результат, а мыслительный импульс»⁵. Миттенцвай указал на решающие черты поэтики или, вернее сказать, прозаики Брехта, которые присутствуют и в «Ме-ти». И эту книгу писатель понимал как систему жестов: в первой части «Книги перемен» на сей счет имеется и специальное методологическое эссе «О языке жестов в литературе».

Приведу только один пример. В первой книге «Ме-ти» Брехт занимается разными subtilными вопросами Великого Метода, то есть марксистской диалектики, и ее применения. И вдруг мы напарываемся на такое рассуждение, в основе которого — жест хирурга, проводящего трепанацию черепа:

«О грубом материализме

Ме-ти сказал: исследователю на руку некоторая дерзкая поверхностность. Он не испытывает страха перед сложностями. Я сошлюсь на наших врачей; там, где они весьма полезны, они и весьма поверхностны. Кому еще могло прийти на ум просто-напросто продолбить больной череп или, при ампутации руки, извлечь нервные волокна и мускулы и с помощью дратвы прикрепить их к искусственной руке? Для этого нужна известная загрубелость мышления. Страх перед сложностями многих парализует. Они считают необходимым все, что случается. Но зачастую действительно необходима лишь часть того, что случается, остальное же могло бы отпасть или быть иным. Ми-энь-ле не организовывал мастерских, не имел в руках больших денег, не выяснял, как появляется в городах молоко — он никогда не занимался всем этим до того, как все перевернул. Он не боялся сложности и не считал необходимым все, что происходило ради того, чтобы мастерские работали, деньги циркулировали, а молоко поступало в города».

Ми-энь-ле — это Ленин, и Брехт говорил о хирургической операции, которой Ленин подверг Россию, продолбив ей череп и прикрепив ее обнаженные нервы к искусственной руке в виде просветительской диктатуры. Брехт считает, что революционеру показаны дерзкая поверхностность и загрубелость, иначе он никогда не приступит к своему делу (Плеханов: «Не надо было братья за оружие»; Плеханов, кстати, тоже фигурирует в «Книге перемен» под китайским псевдонимом «Ле-пе»).

И еще одно предварительное размышление относительно «Ме-ти». Как было отмечено выше, в «Ме-ти» Брехт изложил свой человеческий проект, свою антропологию левого интеллектуала, свою практическую философию революционера⁶. Отказывая современной вещи искусства в подлинности и ауре, Брехт тем не менее своей «Книгой перемен» позиционировал себя в рамках тысячелетней традиции. Дабы не уходить совсем в глубь веков, скажу лишь о том, что антропология человека Нового времени рождалась главным образом в рамках двух литературных жанров — «Опытов» Монтеня и Бэкона и афористики Грациана, Паскаля, Ларошфуко, Лабрюйера, Вовенарга, к которым можно еще добавить разве что письма к сыну лорда Честерфильда.

Мало известно, что создатель своего рода негативной антропологии своей эпохи Джонатан Свифт помимо заслуженно знаменитых «Путешествий Гулливера» и памфлетов был автором афоризмов, объединенных в «Мысли о разных предметах, до морали и забавы относящихся», где в виде умственного концентрата содержится горькая мудрость ирландского мизантропа: «Никто не хочет принимать советы, но все хотят принимать деньги. Следовательно, деньги лучше советов»⁷. Кстати, вот к кому восходит расхожая житейская максима: «Не учи меня жить, а лучше помоги материально». А взять «Ме-ти» Брехта: если эта книга не состоит из «опытов» (притч), то состоит из афоризмов, вроде следующих:

«Скверные привычки

Надо отвыкать ходить туда, куда невозможно дойти пешком. Надо отвыкать говорить о том, что не может быть решено разговорами. Надо отвыкать думать над проблемами, которые не могут быть разрешены при помощи мышления, — сказал Ме-ти».

2.

Уместно коротко остановиться и на некоторых аспектах содержания «Ме-ти. Книги перемен», которые не слишком прозрачны для современного читателя, но важны для ее понимания.

В первой части «Ме-ти», которая называется «Книга Великого Метода», Брехт излагает свою трактовку марксизма. Уже из ее заголовка явствует, что писатель вслед за Лениным подчеркивал *методологическую сущность* марксистской философии, считал диалектический метод «живой душой марксизма»⁸. Сообразно с этим писатель решительно выступал против толкования философии как метафизики, познания из чистых понятий. Он учинял расправу над философом, который «хочет с помощью одних только слов, безо всяких экспериментов, принять некое решение, из которого проистекают последствия, влияющие на поведение [людей]. Собственно говоря, он пытается упорядочить груды слов так, чтобы можно было неким принудительным образом — а именно, не допуская изменения смысла употребляемых слов и соблюдая логические правила вывода — составить суждение о познаваемости или же о непознаваемости чего-то» («Разыскание границ познания»).

Вполне естественно, что в свете отчетливо антиметафизической позиции Брехта для него является неприемлемой и марксистская натурфилософия в любом ее обличье. Для Брехта, как для Георга Лукача

и, *mutatis mutandis*, Карла Корша, сфера действия марксистской диалектики ограничивается общественно-исторической действительностью: «Ме-ти учил: мышление — это отношение человека к человеку. Его гораздо меньше занимает все прочее в природе; ибо к природе человек всегда приходит, пользуясь обходным путем — через другого человека» («О мышлении»).

Сообразно с этим Брехт отрицал, что Маркс, Энгельс и Ленин умственно практиковали нечто вроде натурфилософии. Пресловутую «диалектику природы» Энгельса писатель интерпретировал как *метафору*, артикулируя ее *переносный смысл*: «Некоторые утверждают, что классики обосновали натурфилософию. Ничего подобного. Они намекнули, как может мыслиться это или то, но главным образом они занимались натурой людей. Тем не менее у мастера Э-фу (Энгельса — С.З.) есть кое-что поучительное о природе. А именно, он показал рабочим, что в природе тоже происходят революции, что революции, стало быть, можно понимать как нечто естественное <...> Мастер Э-фу научил рабочих тем принципам, которые буржуа почерпнули из [опыта] своих революций, используя в естествознании и логике, научил ради того, чтобы рабочие сделали революцию» («Великий Метод. Натурфилософия»).

Философия не имеет самостоятельного гносеологического доступа к природе, автономного от современной науки. Последняя присутствует на многих страницах «Ме-ти»: здесь речь заходит об опыте Майкельсона, о теории относительности Эйнштейна, о квантовой механике и соотношении неопределенностей Гейзенберга, о детерминизме и индетерминизме в микро- и макромире. Брехт уважал теорию науки, хотя не считал ее подлинно философской дисциплиной. Представление о новейшей теории науки Брехт получил, между прочим, от ведущего представителя Венского кружка Ганса Райхенбаха, с которым поддерживал тесные отношения в годы эмиграции в Америке.

Вразрез с этим для Брехта марксистская философия — не наука и не теория науки, а важнейший элемент революционной практики. Диалектика Маркса и Ленина, согласно Брехту, живет не в стихии философствования, а в стихии действия, реального изменения мира: «Ме-ти сказал: мышление есть нечто такое, что следует за трудностями и предшествует действиям» («О мышлении»). Отсюда понятно, почему Брехт считал Ленина (Ми-энь-ле), а не Плеханова (Ле-пе) великим марксистским философом: «О Ми-энь-ле многие утверждали, будто он был великим практиком, в то время как Ле-пе — великим философом: практика Ле-пе доказала, что он не был великим фило-

софом; практика Ми-энь-ле доказала, что он был великим философом. Ми-энь-ле в философии был практичным, а в практике — философом» («Осторожность при хранении опыта»).

Брехт ставит столь сильный акцент на единстве, неразрывности марксистской философии и революционной практики, что фактически интерпретирует Великий Метод, то есть диалектику, как учение о *диалектическом стиле жизни, диалектическом поведении*: «Ме-ти говорил: полезно не только мыслить посредством *Великого Метода*, но также жить посредством *Великого Метода*. Не быть в единстве с самим собой, вгонять себя в кризисы, мелкие изменения превращать в крупные и т.д., — все это можно не только наблюдать, но и делать. Можно жить более или менее опосредствованно, в большей или меньшей взаимосвязи. Можно добиваться постоянных перемен в своем сознании или стремиться к ним, изменяя свое общественное бытие. Можно помогать тому, чтобы государственные институты стали менее противоречивыми и более способными к развитию» («Жить в соответствии с Великим Методом»). Диалектический стиль жизни — это важнейшая черта человеческого проекта Бертольта Брехта.

Последнее, что стоит пометить в связи с концепцией марксистской философии, представленной в «Книге перемен», — это то, что в ней писатель идет по стопам своего философского учителя, левого марксистского теоретика, отлученного от коммунистического движения, одного из родоначальников «западного марксизма» Карла Корша (он выведен в «Ме-ти» под именами «Ко» и «Ка-ош»). Хотелось бы осветить здесь только две главнейших точки схождения в философских воззрениях Брехта и Корша. Во-первых, в своей пионерской работе «Марксизм и философия» Корш недвусмысленно заявил о невозможности автономного от практики существования марксистской философии: «Понимание, которое приписывало бы теории самостоятельное существование вне реального движения, не было бы, конечно, ни материалистическим ни даже гегельянски-диалектическим, но являлось бы просто идеалистической метафизикой». И далее: «Та неразрывная связь между теорией и практикой, которая является наиболее характерной чертой первой коммунистической формулы марксистского материализма, вовсе не устранена в позднейшей форме системы Маркса»⁹.

Во-вторых, Корш считал неприемлемыми для марксистской философии критерии научности, принятые в science эпохи позднего Модерна: «Подлинная противоположность научного социализма Маркса *всем буржуазным философиям и наукам* основана исключительно на том, что он есть теоретическое выражение некоторого революцион-

ного процесса, который окончится *полным упразднением этих буржуазных философий и наук*, когда будут упразднены все материальные отношения, нашедшие в них свое идеологическое выражение»¹⁰ (курсив мой — С.З.). Брехта увлекла коршевская трактовка науки Нового времени как идеологии, над которой марксистская философия возвышается не как сверхнаука, а как момент практики, которая снимает эту науку в каком-то интегральном познании.

Теперь стоит остановиться на том, что составляет самое средоточие человеческого проекта Брехта. Во второй части «Ме-ти» — «Книге опыта» — содержится что-то вроде зарисовки «уходящей природы» под невинным заголовком «Идеал мужчины прежних времен»: «Не падать духом, когда все теряют головы, оставаться верным себе, когда все в тебе сомневаются; но оставлять за окружающими право сомневаться; уметь ждать и не уставать от ожидания; слышать неправду, но не участвовать во вранье <...>» и так далее. Если взглянуть в этот текст более пристально, то обнаруживается, что это — прозаический пересказ знаменитого стихотворения Редьярда Киплинга «Если...»: «О, если ты покоен, не растерян, // Когда теряют голову вокруг; // И если ты себе остался верен, // Когда в тебя не верит лучший друг; // И если ждать умеешь без волнения, // Не станешь ложью отвечать на ложь <...>» и так далее (перевод Самуила Маршака — С.З.).

Для чего Брехту понадобилось в прозе пересказывать стихи Киплинга? Для того, чтобы осуществить осуждение «идеала мужчины прежних времен», который углядел в «Если...» Брехт. Этому идеалу автор «Ме-ти» и противопоставил свой левый человеческий проект, коему всецело посвящена «Книга опыта». Правда, надо отдавать себе отчет в том, что здесь писатель выступал не столько как энтузиаст указанного проекта, сколько как его разработчик, конструктор, как «инженер Прекль», в образе которого его в романе «Успех» вывел Лион Фейхтвангер (он тоже наличествует в «Ме-ти» под именем «Фе-ху-ванг»). Вразрез с тезисом французских моралистов о том, что «ум всегда в дураках у сердца», в случае Брехта сердце всегда было в дураках у ума.

При чтении «Книги опыта» может показаться, что автор исходил из известного высказывания молодого Ленина. Соглашаясь с Вернером Зомбартом, последний заявлял: «в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики»: в отношении теоретического «этическую точку зрения» он подчиняет принципу причинности; в отношении практическом он сводит ее к классовой борьбе»¹¹. Вроде бы Брехт толкует о том же самом: «Ка-ме и Ми-энь-ле (Карл Маркс и Владимир Ленин — С.З.) не предлагали никакого учения о нравственности»

(«Осуждение этических доктрин»). Писатель прямо, хотя и не точно, цитирует Ленина: «Ми-энь-ле сказал: нашу нравственность мы выводим из интересов нашей борьбы против угнетателей и эксплуататоров» («Осуждение этических доктрин»). На самом же деле, декларируя свое полное согласие с образом марксизма без этических референций, Брехт лишь обзаводился дополнительными аргументами в пользу своей *личной этической утопии*. Имеется в виду мечта Брехта о стране, которая не требовала бы от своих обитателей никаких особых добродетелей, а потому не нуждалась бы в писанной этике. А что до ленинской рекомендации о подчинении этической точки зрения принципу причинности, писатель считал данный тезис данью всемирно-исторической конъюнктуре. И уповал на то, что «этот тезис однажды утратит если не свою славу, то свою значимость» («О тезисе Ка-ме по поводу зависимости сознания»).

Помянутая этическая утопия Брехта проходит красной нитью через его прозаические вещи 30-х и последующих лет, то есть через «Истории о господине Койнере», «Рабочий дневник», «Разговоры беженцев» и др. В частности, в «Рабочем дневнике» автор записывал (19.03.1940): «Обдумываю небольшую эпическую работу «Опасения господина Койнера», нечто в манере «Кандида» или «Гулливера». Господин Койнер опасается, что мир может стать непригодным для обитания, если человеку, ради того, чтобы заработать себе на жизнь, необходимо совершать слишком большие преступления или проявлять слишком большие добродетели. И господин Койнер бежит из одной страны в другую, поскольку всюду от него требуют слишком много — то готовности к самопожертвованию, то храбрости, или ума, или свободолобия, или жажды справедливости, то жестокости, обмана и т.д. Во всех этих странах жить невозможно»¹².

Соответственно и в «Ме-ти» Брехт отстаивает именно эту этически-антиэтическую позицию: «Общепризнанным должно стать, что всякая страна, в которой нужна особая нравственность, управляется плохо» («В странах не должно быть нужды в какой-то особой нравственности»). Под знак радикального сомнения писатель ставит даже такую добродетель, на которую молились Платон и Аристотель, как справедливость: «В странах, которые хорошо управляются, нет нужды ни в какой особой справедливости. Справедливому там не хватает несправедливости так же, как не хватает боли тому, кто любит жаловаться» («Справедливость как добродетель»). По этому довольно рискованному пути Брехт делает еще один решающий шаг: он этически реабилитирует эгоизм, легитимирует его в рамках левого мышления.

Диалектическая трактовка эгоизма Брехтом отнюдь не тождественна, хотя и родственна, прекрасно известной в России теории «разумного эгоизма» революционных демократов: «Янг-чу учил: когда говорят, что эгоизм — это плохо, то думают о таком государственном устройстве, при котором эгоизм оказывает плохое воздействие. Я называю такое государственное устройство плохим <...> Выступать против эгоизма часто равносильно тому, чтобы выступать за сохранение такого состояния общества, при котором эгоизм возможен или даже необходим <...> Против себялюбия ничего нельзя возразить, коль скоро оно не направлено на других. Но вполне возможно кое-что возразить против недостаточного себялюбия. К плохим последствиям ведут и себялюбие одних, и недостаточное себялюбие других» («Об эгоизме»).

Этическая новация Брехта, между тем, не сводится к его утопии и реабилитации эгоизма: в центр того «умного места», где должна дислоцироваться его левая этика, он поставил, вразрез с вековыми философскими обычностями, не мудреца, не святого, не героя, а самого обыкновенного, среднего человека, обывателя, озабоченного выживанием и чуждого всякого идеализма. Того, кого немцы называют *Jedermann*, со всеми его эмпирическими слабостями, с его житейской хваткой, расчетливостью и мимикрией. Вот откуда проистекает жгучий интерес Брехта к фигуре бравого солдата Швейка, изваянной гениальным и беспутным Ярославом Гашеком. При всей своей простоватости, которая в глазах «приличного общества» граничила с идиотизмом, именно Швейк оказался не по зубам государственной и милитаристской машине Австро-Венгерской империи, на нем она обломалась. И поэтому Брехт рассматривал *швейков* как главный, еще не задействованный, человеческий ресурс революции в развитых капиталистических странах, тем самым объявляя абсурдным характерное для левого авангарда третирование «мещанства», пролетаризировавшихся во время Великой Депрессии средних слоев буржуазного общества. В этом пункте Брехт выказал намного большую проницательность, чем весь Коминтерн, вместе взятый. Правда, это не убавило подозрительности у Брехта по отношению к западному левому истеблишменту, который быстро становился элементом системы самосохранения позднего капитализма.

Восстановление морального статуса обыкновенного человека, чьей главной гипотезой о мире является то, что мир должен быть пригодным для житья (*bewohnbar sein*), выливалось у Брехта в деструкцию императивности в морали. Писатель выступил как самый резкий противник императивности: «На свете есть мало занятий, — сказал Ме-ти, — которые бы так расшатывали мораль человека, как занятия

моралью. Мне доводилось слышать: надо быть правдолюбивым, надо выполнять свои обещания, надо бороться за добро. Но деревья не говорят: надо быть зелеными, фрукты должны падать на землю вертикально вниз; надо шелестеть листвой, когда подует ветер» («Занятия моралью»).

Единственный нравственный императив, который несмотря ни на что признавал Брехт, звучал так: «Ме-ти сказал: я отыскал лишь несколько тезисов, начинающихся с «ты должен...», которые я произносил с наслаждением. Я имею в виду тезисы общего характера, адресные тезисы, предназначенные для некоей общности. Вот, однако, один из таких тезисов: *ты должен быть продуктивным*» («Ме-ти и этика»). В отличие от многих признанных учителей морали Брехт стремился следовать в жизни императиву, сформулированному им в теории. Невольно приходит на ум его стихотворение «Мне не нужно надгробия», написанное в форме завещания: «Мне не нужно надгробия, но // Если вам для меня оно нужно, // Я хочу, чтоб на нем была надпись: // «Он давал предложения. Мы // Принимали их». // И почтила бы надпись такая // Всех нас» (пер. Е.Эткинда)¹³.

Ты должен быть продуктивным... Крайне характерно для Брехта то, что это требование он обращал к такой тонкой субстанции, как любовь, обращая к любящим: «Любовь надо рассматривать особо, ведь любовь — это творчество. Она изменяет любящего и любимого, изменяет в хорошую либо в плохую сторону. Уже своей внешностью любящие напоминают творящих, причем творцов высокого порядка» («Кин-е о любви»). Но и в любви Брехт был неспособен поступиться своим интеллектом. По его убеждению, чтобы сохранить свою любовь, любящие должны привнести в нее «третий компонент», найти общее дело (*dritte Sache*): таким третьим компонентом для левых мужчин и женщин прежде всего могла стать революционная деятельность.

3.

Третья часть «Ме-ти» называется «Книгой о беспорядке». И посвящена она анализу и критике позднекапиталистического общества, для которого законом жизни является урегулированный хаос (беспорядок). Параллельно с этим Брехт анализировал и изобличал нацистское перерождение Организованного Модерна. Писатель развенчивал Гитлера, разбирая по косточкам идеологию национал-социализма, препарировал язык фашистской пропаганды. Но посреди всех этих насущных антифашистских забот писатель вновь и вновь возвращался к проблематике, которая до крайности его волновала: интеллиген-

ция («умственные работники») и ее функции в условиях западного капитализма и германского нацизма. С одной стороны, автор зорко отслеживал все тенденции ассимиляции «свободно парящей интеллигенции» социально-экономической системой капитализма, ее приходования военно-промышленным комплексом и индустрией массовой культуры. С другой стороны, Брехт взвешивал шансы на вовлечение «умственных работников» в борьбу за революцию (переворот). Он почти буквально воспроизвел свой спор с Фейхтвангером по этому поводу: «Писатель Фе-ху-ванг сказал Ме-ти: те, кто занимается умственным трудом, держатся в стороне от вашей борьбы. Умнейшие головы считают ваши взгляды ложными. Ме-ти ответил: умные головы могут применяться очень глупо, причем как властителями, так и самими их собственниками. Умные головы нанимаются как раз для того, чтобы поддержать самые дурацкие и самые несостоятельные утверждения или учреждения. Умнейшие головы радеют не о познании истины, а о познании того, как с помощью лжи добиться выгод. Они стремятся заработать аплодисменты не у самих себя, а у своего живота» («Глупое применение умных голов»).

В четвертой части «Ме-ти», которая озаглавлена «Книга переворота», Брехт трактовал различные аспекты ленинской концепции революции и ленинского учения об авангардной партии (союзе). Писатель пошел даже на *плагиат с указанием автора*, правда, под его китайской кличкой, включив в текст «Книги переворота» так называемую «Притчу Ми-энь-ле о восхождении на высокие горы», то есть фрагмент из статьи Ленина «Заметки публициста. О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т.п.»¹⁴. Эта статья, которую Брехт считал непревзойденным образцом политической прозы, навеяла писателю образ революции, который культивируют ее «наблюдатели», считающие отступление революции ее поражением: «Эти люди рассматривали переворот как однократный акт, вроде прыжка через расщелину между скалами, который либо удаётся, либо нет, а в случае неудачи ведет к смерти прыгуна». Что-то в этом роде утверждали и радикальные реформаторы 90-х, заявляя, что невозможно перепрыгнуть через пропасть в два приема.

У самого Брехта было иное понятие о «перевороте»: «Ми-энь-ле называл много условий свержения власти. Но ему не были известны времена, когда для этого было бы не нужно трудиться» («Много условий свержения власти»). Писателю принадлежит и определение революционной ситуации, которое вполне выдерживает соревнование с ленинским: «Ме-ти учил: перевороты совершаются в тупиковых си-

туациях». Что же касается авангардной партии и ее отношения к ведомому ею классу, его прекрасно иллюстрирует рассказанная Брехтом занимательная история: «Мастер Са обвинял мастера Ми-энь-ле, что тот заявляет, будто народ господствует, в то время как в действительности он сам господствует над народом. Ми-энь-ле рассказал одну историю: я знал двух мужчин. Они жили в одном доме, но в разных комнатах. Старший спал в удобной кровати, младший — на кожаном матрасе. Поутру старший расталкивал спящего самым сладким сном младшего, если он не хотел пробуждаться. За едой старший часто забирал у младшего то, что понравилось бы последнему больше всего. Если младший хотел выпить, то получал от старшего только воду и молоко; а если он втихомолку раздобывал себе рисовой водки, то старший ругал его последними словами в присутствии всех людей. Если он в гнев пререкался, то ему приходилось публично просить о прощении. Перед обедом мне случалось видеть, как старший, сидя на лошади, гнал перед собой младшего. Однажды я спросил у старшего о его работе. Это совсем не раб, — ответил он в ужасе. Это — чемпион, а я тренирую его перед серьезным боем. Он нанял меня, чтобы я привел его в форму. Это я — его раб. Чтобы уразуметь, кто господин и кто раб, — сказал Ми-энь-ле, — рекомендуется задать вопрос, а кто получает от данных отношений большую выгоду» («О союзе-2»).

Среди теоретиков, с которыми писатель полемизирует в «Критике переворота», наибольшее внимание привлекли Плеханов, Троцкий, Корш, а также Георг Лукач с его видением пролетариата как «коммунистического Мессии» человечества. Для человеческого проекта Брехта было важно и то, что он открыл трансцендентирование в политической ангажированности, которой в 40-е гг. бредил Жан Поль Сартр: «Один человек, возмущенный жестокостями правителей, сказал Ми-энь-ле: ради доброго дела я готов пойти на все — в рамках приличий. А на что еще ты пошел бы ради доброго дела? — спросил Ми-энь-ле, который, по-видимому, был не вполне удовлетворен ответом» («Готов ли ты на все»).

Уже из вышеизложенного очевидно, почему Брехт не мог при жизни опубликовать одну из своих лучших прозаических вещей — «Ме-ти». Это сразу же поставило бы его вне рамок коммунистического движения, к которому он принадлежал как вольноопределяющийся интеллектуал. Особую угрозу для писателя могла составить публикация последней части «Ме-ти» — «Книги Великого Порядка». Ведь в ней с небывалой для себя откровенностью (в «Жизни Галилея» Брехт в предельно завуалированной форме изобразил процесс над Николаем Бухариным) высказался на самые взрывоопасные политические темы, на обсуждение которых, вплоть до XX съезда КПСС, то есть до

14–25 февраля 1956 года, было наложено табу, под страхом смерти. Напомню, что умер Брехт 14 августа 1956 года, успев в 1955 году получить в Москве международную Ленинскую (она же Сталинская) премию «За укрепление мира между народами».

Тематика «Книги Великого Порядка», действительно, является острой даже по сегодняшним понятиям, если вспомнить хотя бы недавние жестокие и бесплодные дискуссии по поводу 50-летия со дня смерти Сталина: ленинский план строительства основ социализма в Советской России и борьба в ВКП(б) после его кончины, роковое столкновение Сталина с Троцким, противоречия советской действительности 30-х гг., отношение западной интеллигенции к культуре Сталина, к сталинизму, к репрессиям и процессам над ближайшими соратниками Ленина. Все это непосредственно затрагивало самого Брехта: советские немецкоязычные журналы «Das Wort» и «Internationale Literatur» долгое время оставались для писателя единственными периодическими изданиями, где он мог регулярно печататься; он взвешивал возможность эмигрантской оседлости в Советском Союзе; здесь жили и работали его немецкие и советские друзья, которые в большинстве своем были репрессированы; позиция Брехта в отношении Советского Союза и Сталина имела модельное значение для левой антифашистской интеллигенции Европы. Поэтому свои политические импровизации и прозрения писатель хранил в самом дальнем ящике письменного стола.

У Брехта был скептический склад ума. Сказывалось его неоконченное медицинское образование: он ничего не принимал на веру, без доказательств. Устами китайского философа он заявлял: «Некто упрекнул Ме-ти в недоверчивости и скептицизме. Он ответил на это так: лишь одно дает мне право сказать, что я действительно являюсь приверженцем Великого Порядка — я часто в нем сомневался» («Скептицизм Ме-ти»). Отсюда становится понятным его двуединая установка по отношению к Сталину и его политике. С одной стороны, он стал на сторону Сталина в его противоборстве с Троцким по вопросу о возможности построения социализма в одной стране («Ме-ти за Ни-эня»). С другой стороны, Брехт в своей книге выступил как пронизательный и глубокий критик Сталина и сталинизма, тщательно выверявший аргументацию таких непримиримых противников Сталина, как Лев Троцкий и Карл Корш¹⁵. Он на 20 лет опередил штатных коммунистов в критике культуры Сталина.

С глубокой тревогой Брехт констатировал превращение вульгаризированного коммунизма в идеологию худшего разбора, а коммунистов — в попов: «Ка-ме говорил рабочим: остерегайтесь людей, которые проповедуют вам, что вы должны осуществить Великий Поря-

док. Это — попы. Они снова нечто такое читают по звездам, что вам надлежит сделать. Сейчас вы существуете для Великого Беспорядка, а потом вы будете существовать для Великого Порядка. В действительности же главное для вас состоит в том, чтобы привести в порядок ваши дела; делая это, вы создаете Великий Порядок» («Ка-ме об осуществлении Великого Порядка»). С трезвостью врача Брехт зафиксировал паралич Коминтерна («Строительство и упадок при Ни-эне»). И, разумеется, от него не укрылись антагонизмы в СССР: «Ме-ти говорил о Су: решимость союза осуществить Великий Порядок как кошмар тяготеет над народом Су. Прогрессивные тенденции ведут к тому, что люди спотыкаются. Хлеб бросают народу с такой силой, что он убивает многих. Институты создаются негодьями, и немало добродетельных людей стоят на пути прогресса» («Противоречия в Су»).

Одно из вершинных достижений гениального немецкого писателя Бертольта Брехта «Ме-ти. Книга перемен» — прекрасное чтение для человека с политической и философской жилкой. А такие люди в России никогда не переводились.

Примечания

- ¹ См.: Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972. И цзин. Древняя китайская «Книга перемен». М., 1999.
- ² *Brecht V. Versuche* 1—12. Heft 1—4. В., 1963. S. 6.
- ³ *Беньямин В.* Озарения. М., 2000. С. 126.
- ⁴ *Брехт Б.* О литературе. М., 1988. С. 75.
- ⁵ *Mittenzwei W.* Das Leben des Bertolt Brecht oder Der Umgang mit den Weltraetseln. Erster Band. Berlin-Weimar, 1988. S. 727.
- ⁶ См. в этой связи: *Земляной С.Н.* Пропорциональное развитие мозгов. О левом авангарде и Бертольте Брехте // «НГ», 22.02.2001 («Фигуры и лица»).
- ⁷ *Свифт Дж.* Избранное. Л., 1987. С. 360.
- ⁸ *Ленин В.И.* Маркс, Энгельс, марксизм. М., 1974. С. 249 («О некоторых особенностях исторического развития марксизма»).
- ⁹ *Корш К.* Марксизм и философия /Под ред. и с предисл. Г.Баммеля. М., 1924. С. 48—49, 50.
- ¹⁰ Там же. С. 60.
- ¹¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1970. С. 440—441.
- ¹² *Брехт Б.* О литературе. С. 365.
- ¹³ *Брехт Б.* Стихотворения. Рассказы. Пьесы. М., 1972. С. 293.
- ¹⁴ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 415—417.
- ¹⁵ Относительно критики Брехтом Сталина и сталинизма см.: *Земляной С.Н.* О неудобствах, причиняемых умными друзьями. // Диалог. 1990. № 6. С. 100—105.